
Ю. В. Шведова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИИ В ПАМЯТНИКЕ
СЕВЕРНОРУССКОЙ АГИОГРАФИИ XVII ВЕКА — ЖИТИИ
СИМОНА ВОЛОМСКОГО (ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ).

Житие Симона Воломского — агиографический памятник, относящийся к группе севернорусских житий местночтимых святых. Создание этого жития относится к XVII веку. Текст жития Симона Воломского (в дальнейшем ЖСВ) не издан¹.

Это житие примечательно тем, что в нем впервые зафиксированы новые искусственные глагольные формы 1-го лица двойственного числа, которые ранее в текстах не отмечались. Обратим внимание на следующий контекст:

Того же лѣта придоша вꙗ пꙋстыню двѣ женѣ [...] и внидоша в часовню [...] приложишася гробꙋ стаго повѣдаше о себѣ яко много скорбѣхома едина учима болѣзньꙋщи сѣлиѣ, другад же внꙋтреннею болѣзнию, велми страждꙋщи. И по двленію і извѣщенію прп[д]номчка Симона. прежде бывшаго к ни[м]. овѣщахомасѣ ити в сію пꙋстыню [...] и ꙗ того време не ꙗ тѣхꙋ болѣзней

---

¹ Подробнее о памятнике см.: Каган М. Д. Житие Симона Воломского // Словарь книжников и книжности. Вып. III (XVII век). Ч. I. С. 383—386.

² Текст цитируется по самому раннему из сохранившихся списков жития — списку конца XVII века Синод, собр. № 406, хранящемуся в ГИМе.

овлегченіе приѡхома[...] и поидовѡта в домы своѡ...² (Л. 36 об. — 37, чудо 5). Этот фрагмент интересен формами **скорвѣхома, овѣщахома, приѡхома**. Как явствует из контекста, перед нами формы 1-го лица двойственного числа аориста. В исходной церковнославянской парадигме формы аориста 1-го лица дв. числа имели окончание **-вѣ**. В данном случае мы наблюдаем появление новой формы 1-го дв., образованной, по всей видимости, присоединением к форме 1-го мн. (**скорвѣхомъ, овѣщахомъ, приѡхомъ**) распространителя **-А**, который, надо полагать, был связан в сознании книжника с идеей двойственного числа. Примечательно, что в ЖСВ встречается еще одна форма 1-го дв., оканчивающаяся на **-ма**, причем не аориста, а настоящего времени, что подтверждает предположение о том, что окончание **-ма** используется с грамматическим значением 1-го лица двойственного числа:

И рѣкоста дрѡгъ дрѡгъ: что сотвори ма трѡдоватомъ семъ... (Л. 53 об.). Более того, встречается также форма 1-го дв. глагола **БЫТИ** на **-ма**:

Азъ же вопросихъ ею, вы стая оца ѡкѡдѡ еста, она же рекоста: мы есма воломскіѡ пѣстыни началника (Л. 54, чудо 15). В этом примере употребление глагольной формы с формантом **-А** поддерживается формой двойственного числа существительного (**началника**) со сходным окончанием.

Еще более интересен тот факт, что именно такое окончание 1-го дв. мы находим во второй и третьей редакциях «Грамматики» М. Смотрицкого, причем оно распространяется на все временные образования в парадигме глагола³. Обращает на себя внимание тот факт, что окончание **-ма** встречается именно в московских редакциях грамматики, в первой редакции, осуществленной собственно М. Смотрицким, изданной в 1619 в Евию, для 1-го дв. выделяется окончание **-ва/вѣ**. Н. Б. Мечковская отмечает, что в 1648 году грамматика была переиздана без имени автора, с относительно небольшими изменениями, которые заключались преимущественно в устранении некоторых сугубо архаичных явлений. Считается, что третье издание грамматики, осуществленное Ф. Поликарповым, значительно ближе к первому изданию, чем ко второму⁴. Достаточно интересно, что окончание 1-го дв. попадает в число исправлений, сделанных московскими редакторами, и при этом третье издание грамматики сохраняет окончание второй редакции.

В. Г. Сиромаша писал, что московская редакция «Грамматики» 1648 года фиксирует московский извод книжно-славянского языка, именно из системы норм этого извода исходили справщики второй половины XVII века⁵.

Таким образом, в тексте нашего жития мы наблюдаем новую (искусственную) книжную форму, не совпадающую с исходной церковнославянской.

Обратим внимание также на еще один весьма любопытный момент. Дело в том, что в изданиях грамматики 1648 и 1721 г. окончание **-ма** характеризует формы 1-го дв. мужского и среднего рода, для форм же женского рода предлагается окончание **-мѣ**⁶. Соответственно формы

³ Грамматика. М., 1648. Л. 190, 190 об., 191, 191 об., 192 и др.; Грамматика. Издание Ф. Поликарпова. М., 1721.

⁴ Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984. С. 44.

⁵ Сиромаша В. Г. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII века (на материале склонения имен существительных). АҚД. М., 1980. С. 21.

⁶ Как отмечают О. В. Кукушкина и М. Л. Ремнева, формы на **ма** и **мѣ** возникают по аналогии с формами на **ва** и на **вѣ**, предложенными в первой редакции грамматики М. Смотрицкого для форм 1-го дв. мужского-среднего и женского родов соответственно. По мнению исследователей, появление двух различных форм рода в парадигме глагола обусловлено стремлением автора грамматики к полному согласованию и соответствию форм имени и глагола. Ср.: **Тѣ двѣ влзѣ дѣвѣ естѣ и та дѣва древа еста**. См. об этом: Кукушкина О. В., Ремнева М. Л. Категория вида и времени русского глагола. М., 1984. С. 92—95.

скорѣѡма, овѣщахомаѡ, придохма, если рассмотреть их с позиций этой грамматики, ошибочны, т. к. в данном случае речь идет о действиях двух женщин. Согласно грамматике, здесь должны быть употреблены формы **скорѣѡмѣ, овѣщахомѣѡ, придохѣ.**

В настоящий момент достаточно трудно сказать, был ли знаком автор нашего жития с изданием грамматики 1648 года (создание жития относится к 1682 году, поэтому такую возможность исключать нельзя). Однако, как кажется, более вероятно предположение, что грамматика кодифицировала уже встречающиеся в рукописях искусственные формы, выработанные книжниками. Известно, что для редакции 1648 года были привлечены многие рукописи северо-западного происхождения⁷. Может быть, такие формы использовались в каких-то еще северных памятниках. Для решения этого вопроса требуются другие факты употребления этих форм в текстах, которыми мы пока не располагаем.

Характеризуя систему форм прошедшего времени в целом как наиболее показательный аспект для определения типа языка памятника⁸, необходимо отметить, что в ЖСВ используются преимущественно книжные формы прошедшего времени (всего отмечено 439 форм аориста, 70 форм имперфекта, 3 формы перфекта), причем все они употреблены с исконным для них грамматическим значением, все типы употребления соответствуют книжной традиции. Достаточно очевидно, что автор жития стремился создать свой текст на стандартном церковнославянском. Однако, помимо выше приводимых форм на **-ма**, существуют еще некоторые примеры, которые свидетельствуют о том, что автору не всегда удается следовать книжной традиции. Достаточно часто мы наблюдаем в тексте жития неожиданный переход от форм 3-го лица глагола к формам 1-го, при этом субъект действия остается неизменным:

Я же слышахъ о чудесехъ вываемыхъ ѿ гроба стаго и по желанию еѡ привезохом ю сѣмо и несоша еѡ в' црکو[в]...I несоша ю в' часовню ко прп[д]вномѣ і полагаютъ близъ гроба стаго (Л. 38 — 38 об., чудо б). Здесь речь идет о том, что болящую женщину по ее просьбе близкие отвезли в Воломскую пустынь, причем среди близких людей был и составитель жития, это явствует и из предшествующего текста: [Жена некая именем Антонида] **повѣда намъ блгую свою мысль: еже бы везомѣ быти ей в' Волом'скую пѣстыню (Л. 38).** Думается, что отнесли ее в церковь и к часовне те же люди, которые и привезли ее в Воломскую обитель, поэтому непонятен неожиданный переход писца с форм 1-го лица на формы 3-го. Этот пример примечателен также явно новой, русской синтаксической конструкцией (**Я же слысахъ**), старая книжная модель была бы — **слысахъ же**, без местоимения **я**. Кроме того, в этом же контексте встречается образованная по модели живого языка (с учетом категории одушевленности: Вин.=Род.) форма местоимения женского рода Вин. ед. - **еѡ** наряду с исконной **-ю**. В этом можно видеть опосредованное отражение грамматики живого языка.

Подобная смена субъекта наблюдается и в других примерах: [Некая жена именем Евпраксия] **повѣда о себѣ бывшѣ мнѣ в' болѣзни тажцей зѣло, и ѿ том великиѡ болѣзни ѿшасѡ нозѣ мои на пол'годициное время и вацши, и не можаше нимало**

⁷ Сиромха В. Г. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII века (на материале склонения имен существительных). АКД. М., 1980.

⁸ См. об этом: Хабургаев Г. А. Рюмина О. Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII века (К вопросу о понятии «литературности» в предпетровскую эпоху) // Филологические науки. 1971. № 4. С. 67—68; Живов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988. С. 55—56; Живов В. М. Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics. Vol. 19 (1995). № 1. С. 45.

воставати ни двигнѣтисѧ, и слыша[х] бывающаѧ чюдеса ѿ прп[д]внаго Симона и сицеваѧ слышахъ вѣщахса і азъ ити в Воломскѣю пѣстыню помолитисѧ... и ѿ того часа слыша себѣ ѿ скорби тоѧ облегченіе. И нача ногама своимѧ ходити, і иде в Воломскѣю пѣстын. пѣша, и молебствовавъ оу гроба стаго приложихса... (Л. 46 — 46 об., чудо 11). В данном случае в повествование от 1-го лица неожиданно вторгаются формы 3-го. Возможно, причины этих нарушений не грамматические. Они могут быть объяснены особенностью повествования, где не столь четко, как в современном языке, осуществлялось разграничение субъектов речи. Т.е., употребляя форму 1-го лица, автор передает прямую речь, излагая события от лица своего героя. Форма 3-го лица свидетельствует о том, что автор сам рассказывает о происшедших событиях. Е. А. Мишина, наблюдая свободное сочетание одновременных и разновидных форм, встречающихся в языке текстов летописей и хожений раннего периода, предложила объяснять подобное явление влиянием устного повествования, для которого характерно свободное переключение из настоящего в прошлое и обратно⁹. В нашем случае подобное переключение зашло существенно дальше — в сферу лица. Переход от форм 1-го лица к формам 3-го и наоборот встречается в рассказах о чудесах святого. По всей видимости, все эти рассказы записаны непосредственно со слов людей, которые испытали на себе чудодейственную силу святого. Именно этим может быть объяснена смена субъектов повествования: составителю жития не всегда удается соблюсти выбранный им режим — прямую или косвенную речь, что и является причиной переключения с форм 1-го лица на формы 3-го. Перед нами, пользуясь определением Е. А. Мишиной, «литературно не обработанный» тип нарратива, что, видимо, является приметой гибридности, — по крайней мере, в житийных текстах XV—XVI в. и более ранних, написанных на стандартном церковнославянском, такое явление не отмечалось.

Приведем еще примеры. В данном случае повествование о чудесном исцелении также оформлено как прямая речь, и начинается оно словами: **слѣчисѧ мнѣ** **выти** в **вѣлицей** **волѣзни** **чревоболіа** **многѧ** **лѣта**... Далее следует: **И нача** **помышлати** в **себѣ**, **яко** **ни** **ѿ** **кого** **нигдѣ** **же** **ѿ** **таковѣ** **пѣстыни** и **прп[д]вне[м]** **Симонѣ** **слышавъ**, **помалѣ** **же** **ѿ** **волѣзни** **свобожденіе** **приемлетъ**. **И поѣха** **ко** **гра[дѣ]** **Архангелскомѣ**: **кѣ** **пещкихъ** **ради** **вещей**, и **выхъ** **тамъ** и **во[з]** **вратихса**: и о **зимѣ** **во** **градѣ** **великомѣ** **оустюзѣ** **бывшѣ** **же** **ѣмѣ** **во** **взимѣніи**... (Л. 55—56, чудо 16). Здесь автор дважды переходит от повествования от 1-го лица к повествованию от 3-го лица. Причем о переносе субъекта речи свидетельствуют не только глагольные формы, но и местоимения: **слѣчисѧ мнѣ** и **бывшѣ ѣмѣ**.

Чтобы продемонстрировать, что подобное смешение форм 1-го и 3-го лица весьма характерно для данного жития, приведем еще и такой контекст: **Бывшѣ** **ми** **[мнѣ]** в **немоши** **главоболіа** **і** **ѿ** **тоѧ** **тажкиѧ** **волѣзни** **изнемогоста** **очи** **мон...** и **не** **разѣмѣ** **когда** **днь** **нощѣ**: и **тоѧ** **ради** **волѣзни** **ѿ** **цркве** **ѿ** **ставленъ** **высть**, и **нача** **по** **мирѣ** **ходите** **дла** **препитаніѧ** и **слышавъ** **ѿ** **нѣкихъ**, о **чюдеснѣхъ** **прп[д]вночка**, **новаго** **чюдотворца**, **яко** **многимъ** **дарѣтъ** **здравіе**, **тогда** **і** **азъ** **овѣщахса** **ити** **помолитисѧ** **прп[д]вночкѣ** **Симонѣ**... и **в** **томъ** **часѣ**... **нача** **свѣтъ** **видѣти** **желаемый** **всѣми**... (Л. 60 об. — 61 об., чудо 18). Здесь также мы наблюдаем вторжение авторского повествования в прямую речь, причем, если рассмотреть соотношение форм, то формы 3-го лица, принадлежащие авторскому повествованию, в данном примере преобладают.

⁹ Мишина Е. А. Типы употребления презенса совершенного вида в восточнославянских памятниках XI—XV вв. АҚД. М., 1999. С. 24.

Весьма любопытен в связи с рассматриваемой нами проблемой тот факт, что форма 1-го лица субъекта речи неожиданно появляется во фрагменте текста, где отсутствуют какие-либо индикаторы прямой речи. Приведем этот фрагмент: **Того же лѣта м[с]ца іюна въ .ке. день. члвкъ нѣкій...скорбаше зѣло огненною болѣзнию, и ѿ тоа великіа болѣзни оглохъ, и лежа десѣть седмиць безъ памяти і авіе приѣде во Ѹмѣ о чудесѣхъ бывающихъ ѿ пр[д]бпаго Симона...и положихъ во оумѣ вѣщаніе сицево, еже ити въ Воломскѣю пѣстыню...и ѿ тогѡ времеѣ ѿ тоа великіа болѣзни помалѣ оздравѣ, и нача потомкѣ слышати, і иде в” Воломскѣю пѣстыню** (л. 61 об. — 62, чудо 19).

В ЖСВ отмечена одна действительно неверно употребленная форма (**рече азъ**) которую нельзя объяснить особенностями построения повествования и оформления прямой речи: **Азъ же вопросихъ єю, вы стая оца ѿкъдѣ еста, она же рекоста: мы есма воломскіа пѣстыни началника, і рече има азъ, кака имена ваю...** (Л. 54, чудо 15).

Два последних факта (употребление формы 1-го лица в повествовании от 3-го лица и грамматически неверная форма) заставляют предположить, что смешение форм 1-го и 3-го лица обусловлено не только особенностями повествования, но и тем, что писец недостаточно четко знает распределение форм аориста по лицам. Формы аориста для него, видимо, уже застывшие формы, принадлежность книжного языка. Он использует эти формы, заученные им из текстов, недостаточно хорошо осознавая парадигму спряжения. Здесь мы сталкиваемся с аграмматичным употреблением книжных форм, что свидетельствует о несовершенном владении автором книжной традицией.

Использование формы глагола одного лица вместо формы другого достаточно широко представлены в поздних памятниках (XVI—XVII в.)¹⁰, причем это нарушение отмечается и в памятниках житийного жанра¹¹.

Итак, анализ употребления форм простых претеритов показывает, что автор ЖСВ стремился к следованию книжной традиции, соблюдению нормы. С точки зрения значения форм, употребление аориста и имперфекта в ЖСВ соответствует стандартному церковнославянскому. Однако на формальном уровне в ЖСВ можно наблюдать некоторые достаточно показательные отклонения от книжной традиции: употребление новых искусственных форм 1-го лица дв. числа аориста (**скорбѣхома, обѣцахомася, приахома**), которые не фиксируются традицией; смешение форм 1-го и 3-го лица, которое происходит под влиянием повествования — «литературно не обработанного» типа нарратива; в единичных случаях аграмматичное употребление форм (без учета их частного грамматического значения). Эти отклонения можно рассматривать как приметы гибридности текста.

Помимо аориста и имперфекта в ЖСВ употребляются также перфект и л-форма. Так, в тексте жития встретились 3 формы перфекта с традиционным перфектным значением “действие, совершенное в прошлом, результат которого актуален для настоящего”. Обращает на себя

¹⁰ Так, например, по наблюдениям М. Л. Ремневой, в «Донских повестях» (XVII в.) форма 3-го мн. аориста всегда используется вместо форм первого и второго лица мн. Более того, вместо форм первого мн. аориста и имперфекта может использоваться также форма 3-го мн. имперфекта и даже 3-го ед. имперфекта. См.: Ремнева М. Л. О грамматической норме «Донских повестей» (XVII в.) // Вопросы русского языка и методика его преподавания. Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск, 1994. С. 113—115.

¹¹ См.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 237; Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 362; Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952. С. 153.

внимание тот факт, что все формы перфекта используются в устойчивых контекстах формульного типа, например, в молитве:

И сошедшеса дховнѣ вкѹпѣ сице рѣемъ емѹ: оублажаемъ блжен[н]ое и бгоподражателное житіе твое, яко...чюдодѣйство стыхъ сценномчнкѣ кровопролітне показалъ еси... (Л. 59, чудо 17).

Такое употребление характерно скорее для Московской традиции, чем для северной: в московских книжных текстах XVI века формы перфекта употребляются крайне редко и только в устойчивых житийных формулах¹². Это связано с тем, что форма на -л воспринималась как абсолютно недопустимая для строгой книжной нормы, поэтому книжники стремились избегать и аналитических претеритов, включавших в свой состав эту форму. М. Н. Шевелева в своем исследовании приводит статистику употребления аналитических форм прошедшего времени в московских памятниках этого времени: в житии Михаила Клопского в тучковской редакции, например, употреблено 4 перфекта, а форм плюсквамперфекта вообще нет (ср. в ЖСВ — 3 перфекта, плюсквамперфекта нет). Для северо-западной книжности характерно, напротив, широкое распространение аналитических форм, в том числе гиперкорректных форм псевдоперфекта и псевдоплюсквамперфекта¹³.

Для ЖСВ можно констатировать единичное проникновение л-формы как показателя прошедшего времени, обозначающего действие в прошлом без связи с настоящим, идущего из живого языка:

...Понеже старал ікона кал бысть написана въ лѣто РИС годѹ, мѣроу падница, что писалъ Оустюга Великаго Архангельского мн[с]тыра старецъ Ісаіа Голцовъ (Л. 57, чудо 17). Обращает на себя внимание также некнижный (русский) синтаксис этого предложения.

В следующем примере, как кажется, также употреблена форма на -л:

Члвкъ нѣкій [...] скорбаше зѣло огненною болѣзнию, и ѿ том великіа, болѣзни оглоухъ... (Л. 61 об., чудо 19). Причем в данном примере представлена форма без конечного -л, совсем не характерная для книжного языка. Здесь, видимо, можно усматривать следующий процесс изменения: **оглохлъ ⇒ оглохъ**

Домашніеже его вси ѿрицахъса, яко не токмо глати намъ о семъ, но и слышаніа мы ни ѿ кого ѡ таковѣй пѣстыни, и о рп[д]внѣмъ Симонѣ никогда в слѹхи наша бывало (Л. 42, чудо 9).

Этот пример примечателен тем, что здесь такая яркая форма, характерная для живой речи, сочетается с чисто книжной конструкцией с одинарным отрицанием. Это употребление можно рассматривать как проявление гибридности в собственном смысле слова: книжный и некнижный элементы здесь сливаются в одной конструкции. Этот пример показателен для ЖСВ: в текст, создаваемый с явной установкой на стандартный тип книжного языка, спорадически проникают некнижные формы.

Подводя итоги, отметим, что употребление форм прошедшего времени в ЖСВ демонстрирует стремление его автора к следованию книжной традиции, соблюдению нормы. В житии используются почти исключительно книжные формы прошедшего времени, причем значения этих форм

¹² Шевелева М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-восточной и Северо-западной Руси XV—XVI вв. АҚД. М., 1986. С. 9, 10, 12.

¹³ См.: Там же. С. 12. А также Шевелева М. Н. Аномальные церковнославянские формы с глаголом быти и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 135—155.

вполне соответствуют книжной традиции, стандартному церковнославянскому. Однако соблюдения книжную традицию автору удавалось не всегда. Нами отмечены отдельные достаточно показательные отклонения от традиции в употреблении форм прошедшего времени, а также в синтаксисе, которые не позволяют квалифицировать язык этого памятника как стандартный церковнославянский. Таким образом, можно говорить о том, что язык этого жития имеет черты гибридности, но в этом смысле он отличается от гибридного языка древнерусских летописей, так как проникновение элементов гибридности в данном случае обусловлено не спецификой установки писца, а недостаточно хорошим владением традицией. Очевидно, что автор стремился к четкому соблюдению книжных правил, или, по В. М. Живову, имел языковую установку на максимальное сближение языка своего сочинения с языком корпуса основных текстов¹⁴, однако несовершенное владение книжной традицией препятствовало полной реализации этой установки.

Интересен и тот факт, что в тексте ЖСВ не обнаружено ни одной специфически северной черты системы прошедших времен — некоторые особенности употребления прошедших времен скорее показательны для московской традиции, чем для севернорусской.

---

14 Живов В.Я. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С.32.

